

Заложники: извечная проблема

Ирен Геррман, Даниэль Пальмиери*

Доктор Ирен Геррман – преподаватель Женевского университета, специалист по истории Швейцарии и России. Даниэль Пальмиери – ответственный за проведение исторических исследований в Международном Комитете Красного Креста; занимается историей МККК и историей вооруженных конфликтов.

Краткое содержание

Хотя взятие заложников – очень распространенное явление, как в прошлом, так и в наши дни, оно остается малоизученным. Принято различать два вида заложников: добровольные заложники (до Французской революции 1789 г. высокопоставленные лица нередко предавали себя в руки добродетельных тюремщиков, чтобы гарантировать соблюдение договоров), и невольные заложники (взятие таких заложников типично для тотальных войн, когда людей захватывают без различия и без жалости, чтобы использовать как живое средство давления, призванное обеспечить решающее военное преимущество). Сегодня статус заложника сочетает в себе доведенные до крайности признаки обеих категорий. С заложниками, захваченными с целью получения выкупа, по причинам политического или символического характера, обычно обращаются жестоко. Они являются выражением и излюбленным средством острого аксиологического противоречия между всевозрастающей глобализацией европейских и американских принципов и противодействия ему, которое

* Оригинал этой статьи на французском языке доступен в Интернете по адресу: <http://www.cicr.org/fre/revue>.

играет как раз на западной приверженности ценностям гуманизма и демократии. В глазах своих соотечественников заложник становится знаковой фигурой, терзающей и не дающей покоя.

В пантеоне жертв войны заложникам принадлежит особое место. Во-первых, они составляют лишь очень малое число лиц, страдающих от вооруженного насилия¹. Кроме исключительных случаев, когда в заложники захватывают несколько сотен человек (как это было, например, во время войны в Персидском заливе 1991 г. или в посольстве Японии в Лиме в 1996–1997 гг., а также совсем недавно, в сентябре 2004 г., в одной из школ в Северной Осетии), число заложников исчисляется единицами. Во-вторых, интерес к заложникам обратно пропорционален их числу, поскольку даже единственный заложник привлекает всеобщее внимание. Может быть, это связано с тем, что сама жестокость таких действий поражает воображение? Или это объясняется невинностью жертв, часто подчеркиваемой такими факторами, как возраст, гражданство или профессия, которые акцентируют их непричастность к событиям, спровоцировавшим их захват? А может быть, оттого, что несправедливость, причиняемая одному человеку, действует на коллективное подсознание как скрытая угроза всем и каждому? Или даже оттого, что трагический конец, который, к несчастью, ожидает некоторых заложников, ставит их в положение мучеников?

Как бы то ни было, сам по себе заложник, несмотря на привлекаемое им внимание, остается в значительной мере загадочным персонажем. Это наблюдается как в области права, где многочисленные описания взятия заложников во внутригосударственных законодательствах и международных инструментах парадоксальным образом не содержат определения заложника *stricto sensu*². Может быть, это причина, а может быть, и следствие того, что заложник остается в значительной мере фигурой внеисторической. Ведь данной категории жертв, упоминания о которой встречаются с незапамятных времен, посвящено весьма ограниченное число

- 1 В данной статье рассматривается взятие заложников только в ситуациях вооруженного конфликта. В ней проводится различие между взятием заложников и похищением – последнее диктуется исключительно соображениями частного и финансового характера.
- 2 Так, определения «заложника» (равно как и «взятия заложников») не содержится ни в четырех Женевских конвенциях 1949 г., ни в Дополнительных протоколах к ним 1977 г. Международная конвенция против захвата заложников, подписанная 18 декабря 1979 г. в Нью-Йорке, определяет лицо, захватывающее заложника, как «любое лицо, которое захватывает или удерживает другое лицо и угрожает убить, нанести повреждение или продолжать удерживать другое лицо (здесь и далее именуемое как «заложник») для того, чтобы заставить третью сторону, а именно: государство, международную межправительственную организацию, какое-либо физическое

работ. Существующие же работы посвящены, в основном, древней истории и средним векам; нет исследования, которое прослеживало бы данную проблему на протяжении всей истории³.

Может быть, такое отсутствие точного определения следует отнести на счет семантической двусмысленности, порождающей разнящиеся между собой толкования? Если некоторые языковеды считают, что английский термин «hostage» (заложник) происходит непосредственно от латинского слова «hospes»⁴, означающего «гость», то другие полагают, что он происходит от слова «obses», родственного глаголу *obsidere* – «окружать, осаждать» и, соответственно, буквально означает «тот, кого держат в поле зрения». Эти две версии происхождения по-разному расставляют акценты в трактовке понятия «заложник», что отражает классическое противопоставление *добровольных заложников невольным*⁵.

Такое различие не обязательно является строгим: признаки обеих категорий заложников часто накладываются друг на друга, как фактически, так и в течение времени. Тем не менее, оно может быть полезным в качестве аналитических рамок при исследовании истории статуса заложников, его функций, применения и эволюции во времени. А главное – это различие позволяет пролить свет на изменения, произошедшие в статусе заложников с конца двадцатого века, когда взятие заложников характеризуется, по всей видимости, нелепыми мотивами и требованиями, в отличие от более рационального подхода, который применялся с древнейших времен.

или юридическое лицо или группу лиц – совершить или воздержаться от совершения любого акта в качестве прямого или косвенного условия для освобождения заложника». Следует, однако, отметить, что согласно статье 12 данной Конвенции ее положения не относятся к актам взятия заложников, совершаемым во время вооруженного конфликта, в отношении которых Женевские конвенции налагают на государства обязательство выдавать подозреваемых или преследовать их в судебном порядке.

- 3 Данный пробел в исторической литературе отмечают и сами историки (см. Philippe Contamine, *Autobiographie d'un prisonnier-otage: Philippe de Vigneulles au château de Chauvency*, Sylvie Caucanas, Rémy Cazals, Pascal Payen (dir.), *Contacts entre peuples et cultures. Les prisonniers de guerre dans l'Histoire*, Éditions Privat, Toulouse, 2003, p. 39).
- 4 В старофранцузском языке слово «hostage» означало место жительства или жилище, а выражение «prendre en otage» изначально означало взятие в дом человека, который служит гарантией исполнения договора. Затем это стало означать самого этого человека, «гостя», которого удерживают. Paul Robert, *Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française*, Vol. VI, Le Robert, Paris, 1990, p. 1012.
- 5 См., например, H. Wayne Elliott, «Hostages or prisoners of war: War crimes at dinner», *Military Law Review*, No. 149, 1995 (автор говорит о добровольных заложниках как об «истинных заложниках» и о невольных заложниках как о «косвенных заложниках»); Claude Pilloud, «La question des otages et les Conventions de Genève», *Revue internationale de la Croix-Rouge*, No. 378, June 1950; Adam J. Kosto, «L'otage comme vecteur d'échange culturel du IVe au XVe siècle», Sylvie Caucanas, Rémy Cazals, Pascal Payen (dir.), *op. cit.* (примечание 3).

Добровольные заложники

Понятие, обозначаемое французским словом «otage» (заложник), когда оно появилось в XI веке⁶, первоначально имело конкретный и ограниченный смысл. Заложник понимался как некая гарантия, *предоставляемая* победившему противнику или даже союзнику, как залог выполнения обещания или соблюдения договора или как знак покорности побежденного. Так было уже в Древнем Египте, где высокопоставленные заложники служили порукой верности вассальных царств⁷. На протяжении всей истории быть принятым в качестве гарантии договора мог только представитель самых высших классов общества. Эту практику восприняли и развили древние греки, использовавшие взятие заложников для того, чтобы навязывать другим свои политические взгляды. Так, то обстоятельство, что македонского царя Филиппа II держали в качестве заложника в Фивах, должно было помешать македонцам враждовать с этим городом⁸. В свою очередь, данную практику стали применять и римляне, иногда с выгодой для себя, а иногда и себе в ущерб. А пример римского генерала Аэция, которого в юности отдавали в заложники сначала вестготам, а затем – гуннам, показывает, что этот обычай не признавал границы между «цивилизованными» и «варварскими» народами.

В средние века взятие заложников продолжает практиковаться, чему можно привести немало широко известных примеров, начиная с «гражданина Кале», в 1347 г. предложивших себя в заложники Эдуарду III, чтобы он пощадил их город. Иоанн Орлеанский, герцог Ангулемский, выданный англичанам по договору Бюзансе 1412 г., оставался их заложником тридцать три года. В восточной Европе предоставление заложников тоже было традиционным, о чем свидетельствует жизнь Георга Кастриоти (известного под именем «Скандербег»). Он происходил из княжеской семьи и в юном возрасте был отдан туркам, чтобы гарантировать верность своего народа Блистательной Порте (правительству Османской империи). Воспитанный в мусульманской вере, Скандербег как доблестный воин служил султану Мураду II, фаворитом которого он был, пока не обратил оружие против своего бывшего повелителя и не стал героем борьбы за независимость Албании⁹.

Предоставление добровольных заложников продолжалось до XVIII столетия. Так, по окончании войны за австрийское наследство и согласно

6 Это слово впервые употреблено в 1081 г. в эпосе «Песнь о Роланде».

7 Jonathan F. Vance (éd.), *Encyclopedia of Prisoners of War and Internment*, Santa Barbara, Denver, Oxford, ABC–Clio, 2000, p. 81.

8 Pierre Ducrey, *Guerre et guerriers dans la Grèce antique*, Fribourg, Office du Livre, 1985, p. 242.

9 Исмаил Кадаре романтически отобразил этот эпизод в своей книге *Les tambours de la pluie*, Paris, Gallimard, 1979 (французский перевод).

договору, заключенному в 1748 г. в Экс-ла-Шапеле, заложники из числа английской знати остались под честное слово в Париже, ожидая, пока Франции будут возвращены некоторые из ее североамериканских владений.

Нередко с добровольными заложниками обращались как с гостями. Как и гости, они вели вполне приятный образ жизни, похожий на тот, который они оставили (иногда они даже пользовались достаточно большой свободой передвижения), в соответствии со своим положением в обществе (и со значением слова «*hospes*»). Как правило, заложники были знатными людьми, этим и объясняется то, что им часто предоставлялись роскошные условия. Кроме того, заложники могли не опасаться за свою жизнь, поскольку, в соответствии с рыцарским кодексом поведения, сама передача заложника уже служила достаточной гарантией соблюдения договора. Неудивительно, что между заложником и его «хозяевами» могли устанавливаться дружеские отношения, в которых преодолевались культурные различия¹⁰.

После Французской революции 1789 г. добровольные заложники предоставляются все реже, немногочисленные примеры этой практики можно встретить лишь в колониальной истории: например, вожди Верхнего Казаманса оставили в заложниках четверых из своих сыновей, гарантируя тем самым соблюдение мирного договора с Францией, подписанного в 1861 г.¹¹ В большинстве же случаев в эту эпоху побежденные государства предоставляют в качестве гарантии соблюдения договора не высокопоставленных лиц, а территории, которые, таким образом, становятся «заложниками». Так, например, Франкфуртский договор от 10 мая 1871 г. предусматривал временную оккупацию прусскими войсками ряда департаментов на севере Франции до выплаты контрибуции. Несколько раньше федеральные войска во время гражданской войны в Швейцарии (1847 г.), и войска северян в ходе гражданской войны в США (1861–1865 гг.) поступали так же, оккупируя территории, как залог того, что условия мира, навязанные побежденным, будут соблюдены. Во всех этих случаях местные жители считались и сами считали себя заложниками, отданными на милость оккупирующих сил.

10 Franco Cardini, «I captivi cristiani frutto di guerra santa «crociata»; nei luoghi santi», «in Giulio Cipollone (éd.), *La Liberazione dei 'captivi' tra cristianità e islam. Oltre la crociata e il Gibad. Tolleranza e servizio umanitario*, Cité du Vatican, Archivio Segreto Vaticano, Vatican City, 2000, p. 326. Надо отметить, что отношения такого рода отличаются от знаменитого «стокгольмского синдрома», возникающего у заложников после более или менее длительного времени, проведенного во власти тех, кто их захватил.

11 Christian Roche, *Histoire de la Casamance, Conquête et résistance: 1850–1920*, Paris, Éditions Karthala, 1985, p. 112.

От *hospes* к *obses*

После Французской революции 1789 г. все четче вырисовывается феномен территории–заложника и, следовательно, населения–заложника, что говорит о фундаментальных изменениях этой практики, на которую, в свою очередь, оказали влияние другие серьезные перемены. С конца XVIII столетия представление о суверенитете как о чем–то раздробленном и воплощенном в отдельных лицах сменяется коллективной и единой его концепцией. С появлением государства–нации носителями суверенитета становятся уже не несколько изолированных личностей, а все граждане в целом. В этих условиях *предоставление* заложников, при взаимном признании как предоставляющей, так и принимающей стороной, особой ценности, присущей человеку, избранному на роль заложника, утрачивает свой смысл. Ведь в государстве–нации все люди теоретически признаются равными, что делает их равноценными и взаимозаменяемыми. В то же время *захват* заложников полностью оправдывает себя, поскольку теперь каждый способен «играть» эту роль.

Кроме того, само ведение конфликтов претерпевает структурные изменения. После короткого затишья¹² сражения снова становятся ожесточенными, сначала в ходе Французской революции, затем – во времена империи Наполеона и незаметно достигают уровня, свойственного тотальной войне¹³. В условиях все более беспощадной конфронтации, когда между противниками возможны только враждебные отношения, предоставление заложников как гарантии взаимного доверия больше себя не оправдывало. Сами воюющие поняли бессмысленность такой практики. Так, американский юрист Фрэнсис Либер писал в своем знаменитом кодексе, составленном в ходе одной из первых тотальных войн нового времени – гражданской войны в США 1861–1865 гг.: «Заложником является лицо, принятое в качестве гарантии выполнения соглашения между воюющими во время войны или в результате войны. *В наше время заложники – редкость*»¹⁴.

В этом контексте становится понятно, почему теперь заложников не предлагают, а захватывают: такая перемена соответствует развитию права войны¹⁵ и утверждению идеалов, основанных на правах человека.

12 Ирен Геррман и Даниэль Пальмиери, «Новые конфликты: архаичная современность?», Международный журнал Красного Креста. Сборник статей, июль 2004 г., С. 25–50.

13 Jean-Yves Guiomar, *L'invention de la guerre totale XVIIIe–XXe siècle*, Paris, Le Félin, 2004.

14 US War Department, *General Orders n°100. Instructions for the Government of the Armies of the United States in the Field*, Washington, D.C., 1863, Art. 54 (курсив наш).

15 До вступления в силу Женевских конвенций 1949 г., которые категорически запрещают эту практику, международное право не исключало ее, особенно когда к ней прибегали для достижения военного преимущества (см., например, «дело о заложниках» («Hostages Case»), *United States v. Wilhelm List*, 1950 (см. Н. Wayne Elliot, *op. cit.* (примечание 5)). В настоящее время взятие заложников относится к числу серьезных нарушений четвертой Женевской конвенции (статья 147).

Это означает, с одной стороны, что статус заложника зависит уже не от последствий боевых действий, а от самого конфликта. Далее, и прежде всего, теперь речь идет уже не о *hospes*, а об *obses*, т.е. о человеке, который находится под надзором и положение которого определяется односторонними и обязательными к исполнению решениями. Кроме того, в материальном отношении условия его содержания принципиально не отличаются от плена. С психологической точки зрения, эта перемена не менее драматична. Если для функции *hospes* характерно отсутствие опасности, то функция *obses*, напротив, определяется вполне реальной угрозой для жизни лишеного свободы лица. Более того, именно эта угроза, как таковая, полностью оправдывает опасное положение заложника, который, соответственно, может подвергаться жестокому обращению, и даже быть убит, как это давно практикуется в отношении любых других людей, захваченных во время конфликта¹⁶.

Невольные заложники

Хотя невольные заложники живут, в принципе, в тех же условиях, что и военнопленные, существуют два основных признака, которые отличают их от их прочих соотечественников, захваченных неприятелем, и эти признаки имеют множество конкретных проявлений.

Первая характерная черта – особая ценность, которую придают этим людям те, кто их захватил. Подобно добровольному заложнику, заложник невольный тоже может служить стратегической цели – вынудить противника пойти на какие-либо уступки. Спартанцы, захваченные в битве при Сфактерии (425 г. до Р.Х.) во время второй Пелопоннесской войны (431–404 гг. до Р.Х.), были использованы Афинами для того, чтобы нейтрализовать военное превосходство лакедемонского полиса в течение тех четырех лет, когда они находились в плену¹⁷. Но ценность заложников может

16 Конечно, статус добровольного заложника допускает различные интерпретации, поскольку, как отмечает Адам Ж. Косто, предоставление заложника обычно осуществляется по принуждению. Но «чтобы это предоставление могло служить гарантией соглашения, обе стороны должны признать заложника заложником. Следовательно, [добровольные] заложники – не то же, что пленники и военнопленные», Adam J. Kosto, «L'otage comme vecteur d'échange culturel...», *op. cit.*, (примечание 5), p. 172; подобная же точка зрения выражена у Franco Cardini, «I captivi cristiani frutto di guerra santa 'crociata'...», *op.cit.*(примечание 10), p. 328.

17 Этот метод широко применялся и во время гражданской войны в США, см. Webb B. Garrison, *Civil War Hostages: Hostage Taking in the Civil War*, Shippensburg, PA, White Mane Publishing Company, 2000. Ближе к нашему времени экипаж американского военного корабля «Пуэбло», захваченного северокорейскими ВМС в январе 1968 г., использовался как средство давления и инструмент пропаганды против правительства США в разгар войны во Вьетнаме. Экипаж был освобожден спустя одиннадцать месяцев.

иметь и чисто финансовый характер¹⁸. В таком случае невольный заложник становится дорогим товаром, за который рассчитывают получить хорошую цену. По этой причине с ним обычно хорошо обращаются, ожидая, когда будет выплачен выкуп¹⁹. Кроме того, обращение с заложником зависит от его происхождения: чем оно благороднее, тем лучше условия содержания. Это различие по качеству, которое сближает *obses* с *hospes*, было отмечено очень давно. Так, с Гвидо Лузиньяном, королем иерусалимским, захваченным арабами в битве при Хаттине (1187 г.), Саладин обращался действительно как с монархом²⁰.

Вторая характерная черта состоит в постепенном размывании различия между комбатантами и некомбатантами, поскольку невольных заложников чаще берут из числа гражданского населения. Эта практика широко применяется, как правило, при оккупации или аннексии территорий с целью обеспечить общественный порядок и, тем самым, безопасность оккупационных войск. Она может осуществляться множеством разных методов в зависимости от личной или финансовой ценности заложников, или от того, насколько их можно использовать для оказания давления. В конечном счете, эти методы нейтрализуют друг друга и приводят к выдвигению все новых и новых требований и ответных требований.

Обычно заложников содержат в их собственных городах или деревнях, где они служат символом угрозы, нависшей над всеми жителями. Но их могут и депортировать, как сделал Наполеон I, когда, вступив в Вену, он взял в заложники ряд видных жителей города и насильно отправил их во Францию²¹. Заложников могут брать и для того, чтобы гарантировать жизнь других заложников, захваченных неприятелем. Один из наиболее известных примеров такого рода имел место во время Парижской коммуны. 5 апреля 1871 г. Коммуна заявила, что лица, обвиненные в сотрудничестве

18 В таком случае ситуация войны ничем не отличается от ситуации мира, в которой тоже совершаются сделки подобного рода. См. например статью Philippe Contamine, «Autobiographie d'un prisonnier–otage: Philippe de Vignelles au Château de Chauvency», *loc. cit.*, ibid.

19 В связи с этим знаменитый правовед Пуго Гроций призывал к тому, чтобы в современном государстве, уважающем международное право, с военнопленными систематически обращались как с заложниками и, следовательно, чтобы их можно было освобождать за выкуп.

20 Giuseppe Ligato, «Saladino e i prigionieri di guerra», Giulio Cippolone (éd.), *op. cit.* (примечание 10), p. 650.

21 Charles–Otto Zieseniss, «A Vienne en 1809: extrait du Journal du comte Eugen von Czernin und Chludenic à propos de l'occupation française», *Revue du souvenir napoléonien*, n°376, avril 1991, pp. 2–18. Во время Первой мировой войны Германия также прибегала к этому методу, депортируя сотни гражданских лиц из оккупированных зон северной Франции на свою территорию и даже в Россию; см. Annette Becker, *Oubliés de la Grande Guerre. Humanitaire et culture de guerre*, Paris, Éditions Noësis, pp. 27–88. Армии царской России, в свою очередь, поступали так же в Восточной Пруссии в начале войны: немецких заложников отправляли в Сибирь. Нет необходимости напоминать о том, что депортация заложников практиковалась не менее широко и во время Второй мировой войны.

стве с Версальским правительством, будут считаться заложниками народа Парижа и могут быть расстреляны в случае казни военнопленного или сторонника законного правительства Коммуны. Было взято семьдесят четыре заложника, в основном, представителей духовенства – включая архиепископа Парижского. После того, как предложение об их обмене не было принято и после жестоких расправ Версаля с ранеными и пленными, Коммуна в ходе «кровавой недели» расстреляла шесть заложников²².

Заложники могут также служить «живым щитом» в целях прикрытия войск противника при передвижении. Германия выступила новатором в этой области, впервые использовав заложников «для сопровождения» во время франко–прусской войны 1870–71 гг. Английские войска последовали этому примеру в ходе англо–бурской войны 1899–1902 гг., защищая свои железнодорожные составы, затем такая практика неоднократно применялась в обеих мировых войнах. Так, во время Первой мировой войны (1914–1918 гг.) англичане помещали на свои корабли заложников – на этот раз военнослужащих, взятых из числа офицеров Рейха, для защиты от немецких бомб и торпед.

Наконец, взятие заложников может стать и орудием репрессий, когда надо наказать тех, кто нарушает установленный порядок или, в наиболее серьезных случаях, покушается на жизнь оккупантов. Тогда участь заложника зависит от выдачи виновных – происходит обмен, определяющий жизнь или смерть героев этой драмы. Во время Второй мировой войны (1939–1945 гг.) было немало трагических примеров, ярко обнаруживающих неравенство, присущее этой практике, – таких, как расправа в Адреатинских катакомбах в марте 1944 г., когда 325 итальянских заложников были расстреляны немецкими военнослужащими в ответ на убийство нацистского офицера²³.

Между *hospes* и *obses*

Окончание Второй мировой войны и отказ от тотальной войны привели не к прекращению взятия заложников, а к его незаметной трансформации²⁴. После того как на рубеже 80–х и 90–х гг. XX столетия ушло в про-

22 Подобным же образом поступили во время Второй мировой войны германские власти, которые арестовали голландских граждан в Нидерландах в ответ на интернирование граждан Германии в нидерландской Ост–Индии. См. Claude Pilloud, «La question des otages et les Conventions de Genève», *op. cit.* (примечание 5), p. 433.

23 Alessandro Portelli, *L'ordine è già stato eseguito. Roma, le fosse adreatine, la memoria, la storia*, Rome, Donzelli, 2001, [английский перевод: *The Order Has Been Carried Out: History, Memory and the Meaning of a Nazi Massacre in Rome*, London, Palgrave, Macmillan, 2004].

24 Гражданская война в Колумбии несомненно является особенно ярким примером последней категории. В руках вооруженной оппозиции находятся сотни заложников, наиболее известная из них – политический деятель Ингрид Бетанкур, похищенная Революционными вооруженными силами Колумбии (ФАРК) в феврале 2002 г.

шное биполярное мироустройство, на планете появилось множество различных форм вооруженного противостояния. Эти различные проявления новой агрессивности, которые называют общим термином «новые конфликты», характеризуются значительной асимметрией противостоящих сил и беспрецедентным уровнем насилия по отношению к гражданским лицам²⁵. И это неравенство сил, и эта агрессивность отражаются на практике взятия заложников.

Так, во время некоторых из современных конфликтов, как активно ведущихся (Чечня), так и «замороженных» (Нагорный Карабах), захват беженцев, совсем не является чем-то исключительным, наоборот, он стал обычным явлением. Некоторые даже рассматривают его как законную деятельность, такого же рода, что и торговля сырьем. Например, когда речь идет о войне в Ираке, сегодня часто говорят об «индустрии похищений»²⁶. Если использование такого термина и несет в себе элемент эпатажа, оно, по меньшей мере, подчеркивает размах и частоту этой практики, а также указывает на ту эволюцию, которую она претерпела в двух отношениях.

Это заставляет предположить, что, подобно *hospes*, заложник сегодня снова обладает индивидуальной ценностью. И действительно, положение заложников в наши дни не таково, каким оно было во времена тотальной войны. Их больше не захватывают наугад, во время облав. Как и в средние века, они иногда служат средством для получения выкупа. Это очень распространено в таких странах, как Ирак или Колумбия, причем заложниками чаще всего бывают их собственные граждане. В более редких случаях, которые получают гораздо более широкое освещение в СМИ, ценность заложников имеет не столько материальный, сколько символический характер. В целом, заложники рассматриваются как средство оказания давления на внешнего «врага».

Однако в этом контексте наблюдается глубокая трансформация представления о ценности заложника, которая приводит к изменению его статуса. В силу самой асимметрии военных действий, современный заложник уже не является «гостем» тех, кто его захватил. Таким образом, на психологическом уровне утрачена взаимность, «новые заложники» больше не воспринимаются как равноценное тому, что стремятся заполучить, или тому, что должно быть получено в обмен. В материальном отношении отмечается то, что условия содержания в неволе становятся одинаковыми для всех, независимо от социального положения, нередко бывает так, что чем выше положение заложника, тем хуже условия его содержания.

25 Ирен Геррман и Даниэль Пальмиери, «Новые конфликты...», *op. cit.* (примечание 12).

26 Cécile Hennion, «L'industrie du rapt, «nouveau fléau de l'Iraq» est en pleine expansion», *Le Monde*, 28 septembre 2004.

Тем не менее, несмотря на все эти черты сходства, «новых» заложников нельзя отнести и к категории *obses*. Ведь они, строго говоря, не принадлежат к «вражескому стану». Как раз наоборот – такие люди, как Арьян Эркель, глава миссии «Врачей без границ» в Дагестане, или Маргарет Хасан, начальник отделения благотворительной организации «Кэр» в Ираке, могли бы скорее рассматриваться как «союзники» своих похитителей. В других случаях, можно было бы ожидать, что «охранной грамотой» послужит само гражданство заложников – вспомним, например, о французских журналистах Кристиане Шено и Жорже Мальбруно, чья страна была одной из наиболее решительных противников войны в Ираке. Но захватившие их люди не проявили к ним за это ни малейшей благодарности.

Таким образом, статус заложников в наши дни сочетает элементы статуса *hospes* и *obses*, доведенные до крайности и лишённые равновесия. Заложников теперь снова сознательно выбирают, но обращаются с ними жестоко. Сегодня заложники не представляют в глазах своих похитителей никакой ценности, кроме той, которую им придает внешний мир. Иными словами, ценность заложника определяется уродливым взаимодействием между его полной незначительностью в восприятии захвативших его людей и той ценой, которую его собственная сторона готова заплатить за него и которая, соответственно, придается ему его похитителями. Это треугольное соотношение объясняет и похищение конкретно определенных лиц, и жестокое обращение с ними.

От *obses* к объекту

Поскольку похитители играют на ценностях и принципах противника, они планируют свои операции, имея в виду исключительно тот интерес, который заложник вызовет у его сограждан. Следовательно, если их враг – Запад, они эксплуатируют, прежде всего, два основных фактора: высокую ценность отдельного человека в обществе и влияние СМИ, которые, действуя как средство давления на демократически избранные правительства, зависящие от голосов избирателей, информированных таким образом, еще более усиливают этот процесс придания особой ценности индивиду.

Таким образом, нетрудно понять, что выбор «новых» заложников делается не по признаку их политического и военного могущества, как это было во времена до Французской революции 1789 г., но зависит от того воздействия, которое их захват может оказать на общественное мнение противостоящей стороны. Поэтому чаще всего в заложники попадают люди, способные вызвать большую симпатию у широкой общественности – или благодаря положительному представлению, сложившемуся об их профессии (гуманитарные работники, репортеры, ученые), или в силу их аб-

солютной невинности по отношению к событиям, жертвами которых они стали. Хуже того, они становятся заложниками именно потому, что они ни в чем не повинны. Но именно их невинность – распадающаяся на множество форм, зачастую имеющих кумулятивный характер, причем каждая добавляет какой-то новый элемент невинности²⁷ – с помощью СМИ²⁸ вызывает такую мощную волну солидарности²⁹.

Реакция публики, получившей подобную информацию, не ограничивается гневом и растерянностью. Люди также отождествляют себя с заложниками, что может вызвать реальный страх. Очень скоро этот механизм был понят и, начиная с 70-х гг. XX столетия, террористические группировки начали играть на этом, чтобы усилить давление, оказываемое простым захватом заложников. Эта практика применяется все шире в 90-е гг. в связи с распространением демократической модели и, особенно, в связи с превращением этого процесса в политическую кампанию Запада. Это, несомненно, содействовало развитию данной схемы, уже нашедшей себе широкое применение³⁰, способствуя включению в нее дополнительного элемента.

Действительно, шумная пропаганда идеалов и политических механизмов, основанных на концепции прав человека, способствовала распространению идеи о ценности каждого человека, а, следовательно, – и страха перед тем, что эта ценность будет попорана. Кроме того, она оживила ненависть всех, кто увидел в этой тенденции новую форму колониализма. Неудивительно, что некоторые из них решили «бить врага его же оружием».

С этой целью похитители всячески стараются уничтожить индивидуальность жертвы и не видеть в ней ничего, кроме воплощения реальности или принципов, с которыми они борются. Идет ли речь о символах (западная культура, капитализм, христианство и т.д.) или об идеалах (демократия, свобода, благотворительность, знания и т.д.) и независимо от того, выражены ли эти символы и идеалы в происхождении, гражданстве или деятельности заложников, они представляют собой опасность, которую необходимо уничтожить во имя радикально противоположного миро-

27 Так, например, британская заложница Маргарет Хасан одновременно – женщина, гуманитарный работник, кроме того, она помогала детям, причем иракским.

28 Вот, например, статья с весьма характерным заголовком: Robert Fisk, «What price innocence in the anarchy of Iraq?» («Сколько стоит невинность в иракском хаосе?»), *The Independent*, 17 November 2004.

29 Но эта тактика иногда обращается против тех, кто захватывает заложников, как это было в Беслане. С одной стороны, все ингредиенты были налицо (невинность жертв, большинство из которых составляли дети, присутствие и интерес СМИ, особенно западных), однако не хватало самого главного, а именно, ценности, придаваемой жизни отдельного человека – этот философский подход исторически отсутствует в российском обществе.

30 Этот метод взятия заложников впервые был широко применен во время войны в Ливане в 80-е гг., когда были похищены, в частности, несколько французских журналистов и два сотрудника МККК.

воззрения. Таким образом, заложник, развоплощенный и дегуманизированный, перестает восприниматься как противник и, более того, как человек.

Такая дегуманизация логически приводит к овеществлению заложника. Он становится вещью (*res*), которую продают или покупают³¹ и от которой могут избавиться в любой момент, как от ненужного предмета; и это делается особенно легко потому, что число потенциальных заложников кажется неисчерпаемым. Это отношение вовсе необязательно является проявлением желания поторговаться или коммерциализации конфликта, как его понимает немецкий политолог Герфрид Мюнклер³². Ведь жестокое обращение с заложниками, например, в Ираке, ясно показывает, что они не имеют никакой подлинной ценности для тех, кто их захватил – даже как средство давления. Взятие заложников больше не служит даже «самым варварским из всех видов оружия, направленных против американских оккупантов», как писал недавно один еженедельник³³. Цель любого оружия – добиться преимущества и заставить противника сдаться или хотя бы пойти на какие-то уступки. Но, по всей видимости, похитители Маргарет Хасан и других западных заложников не ставили перед собой такой цели. У них было только одно намерение – запугать определенные категории населения, о чем свидетельствуют мрачные сцены убийства жертв, снятые на видеопленку. В этом случае оружием является страх, а заложники – лишь несчастные орудия в руках тех, кто его использует.

Заключение

Заложник воспринимается сейчас всего лишь как *res*, пройдя через этапы *hospes* и *obses*. Его положение, которое всегда было незавидным, сегодня дошло до последнего предела деградации. Эта деградация – не просто дело рук тех, кто берет заложников. Она отражает нынешнюю асимметрию конфликтов и, в еще большей степени, является результатом жестокой иронии истории. На Западе с течением времени концепция ценности человеческой жизни вступила в фазу мощного и устойчивого расцвета. Этот частный случай пытаются представить как универсальную модель. Соответственно, он вызывает озлобление в тех обществах, которые, стремясь сохранить свою идентичность, или по причине структурной слабости упорно отвергают пример, представляемый таким образом. В качестве от-

31 Купля-продажа заложников между группировками похитителей широко распространена в некоторых кризисных зонах (например, в Ираке).

32 Herfried Münkler, *Die neuen Kriege*, Reinbeck bei Hamburg, Rowohlt, 2002; автор опубликовал резюме своей работы под названием «Войны XXI века», *Международный журнал Красного Креста. Сборник статей*, 2003 г., с. 7–24.

33 Alain Louyot, «La stratégie de l'innommable», *L'Express*, 27 septembre 2004.

ветной реакции, то же самое развитие общества порождает антагонизм, приводит к изобретению новых видов оружия. Наиболее эффективны те из них, боеприпасы для которых поставляет оно само. Неудивительно, что представители Запада, с их личностным самосознанием, демократическими идеалами, источниками информации и политическими правами могут сами стать инструментами нападений, объектом которых они являются. Таким образом, эта деградации роли заложников не только обратно пропорциональна улучшению их статуса как индивидов, но и тесно с ним связана. Именно потому, что они убеждены в своем высоком человеческом достоинстве, их похитители унижают их. И именно в силу своей невинности и страдания заложник становится такой терзающей и не дающей покоя фигурой.

© Музей Родена

Пьер Роден, Памятник бюргерам из Кале, 1889 г.

В 1347 г. французский город Кале был вынужден сдаться английскому королю Эдуарду III. Шесть знатных граждан города добровольно предложили себя в заложники и принесли ключи от города.

Deutlich schreiben! Druckschrift erwünscht! Write clearly and in printed letters!

Vorname—Surname Günther	Name—First name Grass
Date of birth Geburtsdatum 16. Oktober 1927	Place of birth Geburtsort Danzig
Rank Dienstgrad Grenadier	Unit Militärische Einteilung
Army No. Beschriftung der Erkennungsmarke	Last civilian residence Letzter ziviler Wohnort Danzig-Langfuhr
Family's address Familienanschrift Wilhelm Grass, Danzig-Langfuhr, Trabesweg 13	
Coming from (Camp No., Hospital No., etc.) Komme von (Lager Nr., Lazarett Nr., u.s.w.)	
Captured: In Gefangenschaft geraten: unwounded* slightly wounded* severely wounded* ill* nicht verwundet* leicht verwundet* schwer verwundet* krank*	
Am well* Am recovered* convalescent* Befinde mich wohl* Binn. geholt* in Heilung* 16-36502-1	
Present address: Gegenwärtige Anschrift: P. O. W. No. Gefangenen Nr. 31 G-6078785	Camp No. Lager Nr. 29-1
Locality Ort München 13 B	Date Datum 3. Febr. 1946
Signature Unterschrift <i>Günther Grass</i>	

*=Cancel what does not apply! No further details permitted! See explanation on reverse side!
 *=Nicht zutreffendes durchstreichen! Weitere Angaben nicht erlaubt! Siehe Erklärung auf der Rückseite!

© Фототека МККК

Карточка-извещение о взятии в плен Гюнтера Грасса, немецкого лауреата Нобелевской премии. 1946 г.

© Фототека МККК (Авторские права защищены)

ГЕРМАНИЯ
Вторая мировая война. Лагерь военнопленных. Раздача посылок Красного Креста.

ИЗРАИЛЬ
Арабо–израиль-
ский конфликт
1967 г. Лагерь Ат-
лит. Египетские
военнопленные.
(07/07/1967).

© МККК, Жан Мор

ЙЕМЕН
Посещение плен-
ных (1964 г.)

© МККК, Ив Дебрэн